

Рыженков А.Я.,
профессор кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова», доктор юридических наук, профессор,
г. Элиста, Россия

ПРИНЦИП СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ НАД ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье доказывается, что принцип суверенитета государства над его природными ресурсами прошёл путь от лозунга деколонизации до нормы международного права, глубоко вплетённой в ткань и международной экономики, и международного экологического правопорядка. Его содержание многогранно: это и юридическое воплощение права на самоопределение, и основа национальной экономической политики, и одновременно исходный пункт для развития обязательств по охране окружающей среды. Как показал проведенный анализ, исследуемый принцип остаётся критически важным: ни одно государство не согласится участвовать в международных договорах, если не будет уверено, что сохранит контроль над своими природными богатствами. В то же время глобальные проблемы требуют принятия «наднациональных» решений, и здесь абсолютный суверенитет оказывается препятствием. Современное международное экологическое право пытается преодолеть это противоречие, предлагая формулу «суверенитет + ответственность»: государства обладают суверенным правом эксплуатировать собственные природные ресурсы по своему усмотрению, но несут ответственность за причинение ущерба другим странам. Государства постепенно соглашаются на самоограничения своего суверенитета ради общей цели, включая климат, океаны, озоновый слой и др. Автор отмечает, что в будущем исследуемый в статье принцип ждёт дальнейшая эволюция, анализирует ее пути, включая развитие системы экологического мониторинга и защиту экологических прав.

Ключевые слова: окружающая среда; народ; ущерб; территория; принцип; суверенитет; декларация; соглашение; природные ресурсы; климат; контракты; политика.

Ryzhenkov A.Y.

*Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Doctor of Law, Professor
Elista, Russia*

THE PRINCIPLE OF STATE SOVEREIGNTY OVER NATURAL RESOURCES IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Abstract. The article proves that the principle of state sovereignty over its natural resources has gone from the slogan of decolonization to the norm of international law, deeply woven into the fabric of both the international economy and the international environmental order. Its content is diverse: it is both the legal embodiment of the right to self-determination, and the basis of national economic policy, and at the same time the starting point for the development of obligations to protect the environment. As the analysis has shown, the principle under study remains critically important: no state will agree to participate in international treaties unless it is confident that it will maintain control over its natural resources. At the same time, global problems require the adoption of “supranational” solutions, and here absolute sovereignty turns out to be an obstacle. Modern international environmental law tries to overcome this contradiction by offering the formula “sovereignty + responsibility”: States have the sovereign right to exploit their own natural resources at their discretion, but are responsible for causing damage to other countries. States are gradually agreeing to self-limit their sovereignty for the sake of a common goal, including climate, oceans, the ozone layer, etc. The author notes that the principle studied in the article will continue to evolve in the future, analyzes its ways, including the development of an environmental monitoring system and the protection of environmental rights.

Key words: Environment; people; damage; territory; principle; sovereignty; declaration; agreement; natural resources; climate; contracts; policy.

Принцип постоянного суверенитета государств над собственными природными ресурсами является фундаментальным в международном экологическом праве. Суть этого принципа в признании права государства (а исторически также «народов и наций») самостоятельно распоряжаться своими природными богатствами. Изначально возникший в эпоху деколонизации как часть права народов на самоопределение, этот принцип позволил постколониальным странам утвердить суверенитет над ресурсами своей территории (Chekera and Nmehielle, 2013: 73-74). Впоследствии он эволюционировал и приобрел более широкий смысл, включив как права, так и определенные обязанности государств: не просто использовать природные ресурсы в рамках собственной экономической политики, но и одновременно не причинять ущерба окружающей среде за пределами национальной юрисдикции. Такая двойственная природа принципа порождает и ряд проблем: с одной стороны, государственный суверенитет служит основой управления природными богатствами и национального развития, с другой – неограниченное использование ресурсов может вступать в конфликт с задачами глобальной экологической безопасности. Рассмотрим этот принцип более подробно.

Во-первых, он закрепляет право собственности и распоряжения ресурсами: государство вправе определять, кому и на каких условиях предоставлять доступ к разработке полезных ископаемых, лесных, водных и иных ресурсов, включая заключение или пересмотр концессионных соглашений с иностранными инвесторами. Ключевым проявлением этого права стала возможность национализации – изъятия ресурсов или активов у частных (в том числе иностранных) владельцев в публичных интересах. Генеральная Ассамблея ООН прямо признала это право в Резолюции 1803 (XVII) в 1962 г., указав, что национализация должна проводиться по соображениям публичной пользы, безопасности или национального интереса с выплатой надлежащей компенсации владельцу. Таким образом, данный принцип закрепил суверенное право государства изменять или прекращать иностранные концессии и контракты на разработку ресурсов, чтобы восстановить над ними полный контроль. Причина появления такой нормы обусловлена тем, что во многих странах Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока долго зрело недовольство неравноправными концессиями и соглашениями, навязанными колониальными властями и иностранными компаниями. После II Мировой войны и появления независимых государств требование полного контроля над национальными богатствами стало одним из главных в их экономической политике. Принцип суверенитета над ресурсами стал своеобразным юридическим обоснованием для одностороннего разрыва или пересмотра таких соглашений.

Во-вторых, содержание исследуемого принципа включает право государства самостоятельно выбирать экономическую и экологическую политику по использованию ресурсов. Это означает, что страна вправе определять структуру своей экономики (например, степень опоры на добычу нефти и газа или иных полезных ископаемых), режим инвестиций (разрешать или ограничивать иностранное участие в добыче) и экологические условия эксплуатации. Данное усмотрение государства изначально трактовалось весьма широко – как неотъемлемый атрибут суверенитета, мало ограниченный внешними обязательствами. Однако со временем понятие суверенитета государства приобрело качественно новые элементы, связанные с рядом обязанностей и ограничений. Сегодня общепризнано, что право на суверенное распоряжение ресурсами не является абсолютным: оно должно осуществляться с учётом международных обязательств государств, включая требования по охране окружающей среды и защите прав человека (Gumplova, 2020).

В-третьих, ещё в 1970-х гг. в ООН заговорили о должном учёте интересов международного сообщества при использовании природных ресурсов. Постепенно в международном экологическом праве сформировалась следующая позиция: осуществляя суверенные

права на ресурсы, государство несёт обязанность не причинять ущерба окружающей среде вне пределов своей юрисдикции. Такой принцип впервые был четко сформулирован в Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. (Стокгольмской декларации) и сегодня рассматривается как принцип международного обычного права. Помимо экологических ограничений, международное право признало и права коренных народов на участие в распоряжении природными ресурсами, что также сужает прежнюю неограниченную власть государства (Calderón, Machado, 2024).

Эти положения зафиксированы в ряде документов ООН и региональных договорах и рассматриваются как развитие принципа суверенитета: из права исключительно государства на ресурсы он трансформируется в более сложную конструкцию, где учитываются и коллективные права народа на его природное достояние, и обязанности государства перед своим населением и международным сообществом. Таким образом, содержание принципа суверенитета над природными ресурсами в современном понимании включает: право государства эксплуатировать, сохранять или распоряжаться ресурсами по своему усмотрению; право проводить национализацию и иные меры по возвращению контроля над ресурсами, с выплатой компенсации; право устанавливать собственную политику развития и охраны окружающей среды применительно к ресурсам. Вместе с тем, есть и обязанности: не наносить ущерба окружающей среде за пределами своей территории; необходимость уважать основные права лиц, связанных с ресурсами (включая права коренных народов и населения на средства к существованию); учитывать иные международные обязательства, например, в области изменения климата, охраны биоразнообразия и т.д. Это означает, что исследуемый принцип предполагает поиск сложного баланса взаимодействия прав, свобод и обязанностей: государства по-прежнему свободны в прямой или косвенной эксплуатации природных ресурсов, но они связаны выполнением международных обязательств и должны уважать право своих народов на развитие. Иными словами, современное международное право требует, чтобы суверенитет над природными ресурсами осуществлялся ответственно и с учётом общих интересов.

Принцип суверенитета над природными ресурсами, будучи краеугольным для экономической самостоятельности государств, все чаще порождает и ряд проблем в контексте современных экологических вызовов. Главная из них заключается в том, что неограниченное осуществление государствами своих суверенных ресурсных прав может вступать в противоречие с коллективными интересами международного сообщества по сохранению глобальной экологической системы и предотвращению экологических катастроф. Рассмотрим это подробнее.

1) конфликт суверенитета и глобальных экологических интересов. В мире, где экологические проблемы имеют трансграничный и глобальный характер (изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение океанов и т.д.), абсолютный суверенитет каждого государства над природными ресурсами усложняет выработку эффективных совместных мер. Государства по-прежнему исходят из первичности своих национальных интересов – экономического роста, энергообеспечения, промышленного развития – и нередко воспринимают экологические ограничения как угрозу этому суверенному выбору. Другими словами, территориальный суверенитет, основанный на антропоцен-тризме, становится серьёзным препятствием при решении глобальных и транснациональных экологических проблем. Например, страна, обладающая крупными запасами нефти или лесов, может не желать сокращать их добычу или вырубку, даже если это необходимо для борьбы с изменением климата или для сохранения биосферы. Исследуемый принцип формально позволяет государству ссылаться на своё суверенное право при отказе от более амбициозных экологических обязательств. На практике это проявляется,

например, в нежелании некоторых государств присоединяться к строгим климатическим обязательствам: они утверждают, что имеют право развивать свои ресурсы (углеводороды, уголь) для экономического благосостояния граждан, и что внешнее давление с требованием «не добывать» нарушает их суверенитет. Поэтому международные экологические договоры часто полны компромиссов и лазеек. В результате ставка на абсолютный суверенитет приводит к ослаблению глобальных экологических режимов: страны соглашаются только на те обязательства, которые не требуют от них значительных ограничений в использовании собственных ресурсов. Яркий пример – Парижское соглашение по климату (2015), основанное на добровольных национальных вкладах: его конструкция отражает именно нежелание государств поступаться суверенным правом самим определять объём допустимых выбросов парниковых газов. В результате суммарные обязательства стран пока недостаточны для достижения целей соглашения, но навязать им более строгие цели мировое сообщество не может.

2) трансграничный вред и отсутствие эффективных механизмов его предотвращения. Другая проблема – ситуации, когда реализация государством своих ресурсных проектов наносит ущерб соседям или глобальным общим объектам (атмосфере, Мировому океану). Принцип «не наносить вред» формально признан, но его обеспечение затруднено (Boklan, Korshunova, 2017). Если государство А строит на своей реке крупное водохранилище для ирригации (осуществляя суверенное право на водные ресурсы), то у государства Б ниже по течению резко сокращается приток воды, что влечёт экологические и экономические потери. В теории, государство А обязано было провести консультации, оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) и не допустить «значительного ущерба» для Б. На практике механизмов принуждения немного: Б может попытаться обратиться в международный суд, но суверенность подразумевает, что без согласия А привлечь его к суду сложно. Многие трансграничные экологические споры (о загрязнении рек, выбросах в воздух, мигрирующих видах животных) остаются неурегулированными или решаются дипломатически, что не всегда эффективно. Таким образом, пока не создан универсальный международный экологический суд, а существующие механизмы опираются на добровольное участие, принцип суверенитета может использоваться нарушителем для ухода от ответственности. Классический исторический пример – дело Trail Smelter (США против Канады, 1938–1941 гг.): хотя арбитраж утвердил принцип ответственности государства за вред, исходящий с его территории, для самого его созыва потребовалось согласие Канады. В современных условиях потенциально катастрофичные последствия (аварии на АЭС, разлив нефти, трансграничный смог) требуют превентивных действий, но государство-источник риска, прикрываясь своим суверенитетом, может ограничивать доступ международных инспекторов или затягивать переговоры.

3) доступ к ресурсам в контексте прав человека и местных сообществ. Исследуемый принцип, возникший как гарантия экономического самоопределения от внешнего вмешательства, иногда используется правительствами для обоснования концентрации полномочий и игнорирования мнения собственных граждан.

В ряде стран богатые ресурсами регионы населены коренными малочисленными народами, которые традиционно зависят от окружающей среды (Pereira, Gough, 2013). Государство, реализуя суверенное право на разработку полезных ископаемых, может предоставлять лицензии крупным корпорациям без согласия этих сообществ, что ведёт к нарушению их прав – на землю, на воду, на традиционный образ жизни. Хотя международное право и требует вовлечения общин в принятие решений, эти нормы далеко не универсальны и часто носят мягкий характер. Принцип суверенитета *de jure* не отменяет обязательств государства перед своими гражданами, но *de facto* сильное государство

может подавлять протесты против экологически опасных проектов, заявляя, что ресурсы – это национальное достояние, и местные интересы должны уступить общегосударственным. Правовой путь решения этой проблемы – развитие норм об экологических правах человека. Уже сейчас международные органы постепенно формируют эти стандарты: право на благоприятную окружающую среду признано резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2022 г. в числе прав человека,¹ а это означает, что государственные решения по ресурсам могут оспариваться с точки зрения нарушения этого права. В перспективе это создаст правовые рамки для ограничения суверенитета, если он осуществляется во вред населению. В национальных конституциях и законах ряда стран Латинской Америки (Эквадор, Боливия) природа признана субъектом права и введены жесткие экологические рамки добычи ресурсов, что может примирить суверенитет с экологическими правами (Requena, 2024). Отдельная дискуссионная проблема состоит в том, кто именно имеет права на природные ресурсы – правительство или народ (граждане)? И если последние, то не повлечет ли это появление «народной собственности»? (Ibrahim, 2023: 461).

4) проблема соотношения развития и устойчивости. Множество развивающихся стран справедливо указывает, что их исторически небольшой вклад в глобальное загрязнение не должен служить поводом лишать их права на использование природных ресурсов для борьбы с бедностью. Принцип суверенитета над природными ресурсами подкрепляет эту позицию: каждое государство вправе само установить баланс между экономическим развитием и охраной природы.

Однако в эпоху, когда устойчивое развитие провозглашено общемировой целью, такая свобода оставляет лазейку для следования неустойчивым путём. Если страна стремительно исчерпывает невозобновляемые ресурсы, уничтожает леса ради небольшого роста ВВП – это, конечно, её право, но эти последствия выходят за национальные границы (всемирные выбросы CO₂, утрата биологических видов, загрязнение океана и др.). Правовой ответ на это противоречие мы видим в концепции устойчивого развития, а также принципе общей, но дифференцированной ответственности, которые пытаются учесть различия в положении стран. Развитые государства соглашаются брать на себя более строгие экологические обязательства и помогать финансами и технологиями развивающимся странам, а те, в свою очередь, постепенно переходят к более экологичным путям развития.

С юридической точки зрения это означает изменение принципа суверенитета: государства добровольно принимают на себя разные объемы обязанностей, признавая, что глобальная проблема требует от всех действий, хотя и не равных по масштабу. Эта концепция – попытка преодолеть проблему суверенного эгоизма: внести элемент солидарности, не разрушая основ суверенного равенства (Barral, 2016: 7). Пока эта тенденция ограничена рамками отдельных соглашений (например, Парижского соглашения по климату 2015 г.), однако развитие этого принципа может привести к появлению более «жёстких» норм, обязывающих всех, например, прекратить определённые виды деятельности (вырубку лесов, любительскую и спортивную охоту и др.). Решение проблемы – формирование такого уровня международного консенсуса, при котором определённые экологически вредные практики станут нелегитимными вне зависимости от суверенных желаний отдельных стран. Подобный сдвиг уже начался в сфере озона-разрушающих веществ (Монреальский протокол 1987 г. почти всеобщий), и по мере осознания масштаба климатической угрозы, международное право может эволюционировать от добровольных механизмов к более императивным, где суверенитет стран признаётся, но коллективное благо ставится выше односторонней выгоды.

¹Генассамблея ООН провозгласила доступ к чистой и здоровой окружающей среде универсальным правом человека // <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1428532> (дата обращения 05.09.2025).

5) профилактика и борьба с правонарушениями. Даже когда государства берут на себя экологические обязательства, их исполнение может страдать из-за отсутствия эффективных механизмов контроля и санкций. В торговой сфере или в области нераспространения оружия существуют режимы санкций за нарушения, но в экологическом праве таких жёстких инструментов крайне мало. Суверенитет означает, что внешний контроль ограничен: международные организации не могут свободно инспектировать или вмешиваться в деятельность предприятий-загрязнителей без согласия руководства страны (Циприс, 2016: 73). В результате государства могут подписывать соглашения (ради политической выгоды), но не реализовывать их на практике. Например, страна может декларировать создание заповедников (или сокращение выбросов), но фактически этого не делать – и прямых рычагов воздействия на нее у международного сообщества весьма немного.

Решение тут может быть в развитии внутренних институтов для соблюдения международных экологических норм. Кроме того, всё шире используются судебные разбирательства на национальном уровне по глобальным вопросам: граждане и НПО через национальные суды принуждают правительства действовать (яркий пример – дело *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands*, где суд обязал правительство усилить климатические меры на основе международных обязательств)¹. Появляется концепция «экологического суверенитета, основанного на ответственности»: суверенитет предполагает не только права, но и обязанность государства обеспечивать экологическую безопасность граждан, а если государство систематически терпит неудачу, международное сообщество получает возможность реагировать (пока таких правовых механизмов нет, но это направление дискуссий). Ряд ученых предлагает создать Международный экологический суд (Копылов, Солнцев, 2013) или расширить юрисдикцию Международного Суда ООН на экологические споры. Пока эти идеи – предмет академических обсуждений, но они указывают путь: смещение парадигмы от абсолютного суверенитета к суверенитету-как-ответственности, где охрана глобальной окружающей среды – часть суверенных функций государства. Таким образом, трансформация понимания суверенитета может открыть новые возможности для охраны природы.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что принцип суверенитета над природными ресурсами является двойственным. С одной стороны, он – гарант равенства и независимости государств, без которого многие страны никогда бы не согласились участвовать в международном экологическом сотрудничестве. С другой стороны, его жёсткая трактовка ведёт к тому, что «каждый сам за себя» в использовании природных ресурсов, а этого явно недостаточно для решения общепланетарных задач. Правовой путь решения данной проблемы заключается в поиске баланса между суверенными правами отдельных стран с «всеобщей ответственностью» за Землю. Современное международное право пытается этого достичь через включение оговорок о не причинении вреда, о сотрудничестве, об устойчивом развитии, через дифференциацию обязательств и т.д. Некоторые страны предлагают признать глобальные природные ресурсы «общим достоянием человечества», что качественно ограничило бы национальный суверенитет (пример такого подхода – Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г., признающее лунные ресурсы общим достоянием, но оно почти никем не ратифицировано). Более реалистично – развивать существующие принципы: например, требовать от государств строгого выполнения принципа предосторожности при любых проектах, влияющих на состояние природы за пределами их границ, и привлекать их к ответственности через международные суды или даже через механизмы торговых соглашений

¹*Urgenda Foundation v. State of the Netherlands* // <https://climatecasechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/> (дата обращения 05.09.2025).

(идея «зелёных» санкций за экологический вред)¹. Отдельное направление – усиление прозрачности и международной отчетности: многие международные договоры (например, Парижское соглашение по климату 2015 г.) вводят обязательство публиковать данные по загрязнениям, что хоть немного, но снижает риски недобросовестного использования суверенитета. В конечном счёте вопросы, связанные с исследуемым принципом, являются отражением более масштабной проблемы международного права – отсутствия наднациональной власти. Решение возможно через углубление сотрудничества, укрепление доверия и постепенное формирование обычая самоограничения суверенитета. В этом случае суверенитет над природными ресурсами будет постепенно эволюционировать от фокуса на правах к концепции прав и обязанностей, поскольку иначе он не соответствует реалиям взаимозависимого мира. Значение исследуемого принципа различается в отдельных нацио-нальных юрисдикциях. Для России как страны, обладающей колоссальными запасами природных ресурсов и выстраивающей свою экономику во многом на их использовании, принцип суверенитета над природными ресурсами имеет особое стратегическое значение. Российская Федерация фактически находится в числе тех стран, для которых данный принцип – не абстракция, а фундамент национальной политики и международной позиции. СССР с момента основания активно утверждал неотъемлемый суверенитет над природными богатствами. Ещё Декреты 1917-1918 гг. о национализации земли, недр, лесов декларировали, что ресурсы – достояние народа, а не частных лиц. На международной арене СССР был одним из последовательных сторонников данного принципа в ООН. Советская дипломатия поддерживала резолюции о суверенитете над ресурсами, видя в них инструмент против неоколониализма и экономического диктата Запада. Так, делегация СССР голосовала за все ключевые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые закрепляли право стран «третьего мира» национализировать иностранные компании и устанавливать контроль над экспортом своего сырья.

Российская Федерация как правопреемник СССР унаследовала как богатейшую ресурсную базу, так и приверженность идеи государственного контроля над ней. Несмотря на реформы 1990-х, Россия не пошла по пути полной либерализации ресурсного сектора для иностранцев. Напротив, начиная с 2000-х прослеживается курс на усиление государственного влияния: крупные нефтегазовые предприятия возвращаются под контроль государства (дело «Юкоса»), введены ограничения на участие иностранного капитала в стратегических месторождениях.

Это есть не что иное, как реализация исследуемого принципа: российские ресурсы должны находиться под суверенным контролем ради национального интереса. Поэтому на международных конференциях по окружающей среде российская сторона неизменно отмечает, что все природоохранные меры должны уважать национальный суверенитет. В переговорах по климату Россия входила в состав группы стран (вместе с Китаем, Индией и др.), настаивающей на том, что страны сами определяют своё экономическое развитие и энергетические источники. В сущности, российский взгляд на климатическую проблему заключается в том, что хотя эта проблема и носит глобальный характер, каждое государство само решает, как ему действовать, исходя из своих интересов. В итоге РФratифицировала Парижское соглашение по климату и участвует в других экологических договорах, однако обязательства нашей страны довольно консервативны. Россия считает своим преимуществом огромные лесные массивы и предлагает засчитывать их поглощающую способность в свои климатические обязательства, настаивая, что это её суверенное право – распоряжаться потенциалом лесов.

¹Mulder N. Can ‘Climate Sanctions’ Save the Planet? // <https://www.thenation.com/article/archive/climate-green-new-deal/> (дата обращения 05.09.2025).

Помимо климата, исследуемый принцип проявляется себя в Арктике – ключевом для России регионе (Боклан, 2012: 134-138). Россия обладает самой большой арктической зоной и рассматривает её как стратегическую ресурсную базу (нефть, газ, редкоземельные металлы) и транспортный коридор (Северный морской путь). В 2001 и 2015 гг. Россия подавала в ООН заявку на расширение внешней границы континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, претендуя на хребты Ломоносова и Менделеева, основываясь на положениях Конвенции ООН по морскому праву. Россия полагает, что эти подводные районы геологически продолжают её сухопутную территорию. Фактически речь идет о распространении суверенных прав на гигантские площади, потенциально богатые углеводородами. Такая политика – реализация исследуемого принципа: РФ научно обосновывает и юридически оформляет права на новые территории. Одновременно Россия пытается урегулировать присутствие несеверных стран в водах Арктики.

В целом российское руководство, признавая наличие экологических проблем, исходит из того, что их решение не должно ослаблять ресурсный потенциал страны. В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» провозглашается курс на обеспечение экологической безопасности, но одновременно подчёркивается необходимость защитить экономические интересы России на глобальной арене, включая противодействие дискриминационным «зеленым» мерам других стран. Россия стремится сама улучшать экологическую ситуацию (например, для этого принят национальный проект «Экологическое благополучие»), однако стратегию и тактику в этом вопросе Россия не собирается с кем-либо согласовывать. Российская позиция – квинтэссенция подхода многих ресурсозависимых стран: «мы сами позаботимся о своей природе, и не указывайте нам, как использовать наши богатства». Такое отношение, с одной стороны, усложняет формирование универсальных режимов. С другой стороны, РФ зачастую подчёркивает и позитивный аспект суверенитета: именно государство, обладающее полным контролем, может принять амбициозные меры по сохранению природы на национальном уровне. Например, Россия создала обширную сеть заповедников, и многие из них – это крупнейшие в мире нетронутые территории (в Арктике, Сибири). Таким образом, суверенитет – это инструмент, который можно направить и на разрушение экосистем ради быстрой прибыли, и на их сохранение. РФ пытается выдерживать баланс в этом вопросе.

В перспективе значение исследуемого принципа для России сохранится и даже увеличится. Уже сейчас российские официальные лица продвигают тезис о «зелёной повестке как инструменте конкурентной борьбы», пытаясь дискредитировать инициативы вроде трансграничного углеродного налога ЕС как несущие ущерб суверенному праву развивать экспорт. С другой стороны, есть и объективные факторы: климат в России меняется, происходят техногенные аварии (разлив топлива в Норильске 2020 г. из-за таяния мерзлоты) – всё это подталкивает нашу страну более серьёзно относиться к экологии. Возможно, постепенно будет происходить переосмысление: не в плане отказа от принципа, а в плане признания, что ответственное управление ресурсами лежит в русле национальных интересов. Россия может прийти к тому, что сохранение лесов Сибири – это не навязанная извне обязанность, а часть её суверенной стратегии (для регулирования климата внутри страны, предотвращения природных катастроф). Появление в российских стратегических документах понятия «устойчивого развития» уже сигнализирует о движении в этом направлении. Но пока что превалирует подход оборонительный: суверенитет над ресурсами – щит от любого внешнего влияния, за которым Россия сама будет решать, как сочетать экономику и экологию.

Таким образом, принцип суверенитета государства над его природными ресурсами прошёл путь от лозунга деколонизации до признанной нормы международного права, глубоко вплетённой в ткань как международной экономики, так и международного экологического правопорядка. Его содержание многогранно: это и юридическое воплощение права на самоопределение, и основа национальной экономической политики, и одновременно исходный пункт для развития обязательств по охране окружающей среды. Как показывает проведенный анализ, исследуемый принцип остается критически важным: ни одно государство не согласится участвовать в международных договорах, если не будет уверено, что сохранит контроль над своими природными богатствами. В то же время глобальные проблемы требуют принятия «наднациональных» решений, и здесь абсолютный суверенитет оказывается препятствием. Современное международное экологическое право пытается преодолеть это противоречие, предлагая формулу «суверенитет + ответственность»: государства обладают суверенным правом эксплуатировать собственные природные ресурсы по своему усмотрению, но несут ответственность за причинение ущерба другим странам. Международные суды подтвердили, что эта ответственность – не просто политическая декларация, а юридическое обязательство в рамках международного права. Кроме того, государства постепенно соглашаются на самоограничения своего суверенитета ради общей цели – охраны климата, океанов или озонового слоя. Такие соглашения, как Парижское, хотя и несовершенны, но демонстрируют: принцип суверенитета гибок и способен адаптироваться к изменяющейся мировой экологической обстановке.

В будущем исследуемый нами принцип ждет дальнейшая эволюция: усиление роли международных механизмов мониторинга, развитие механизма реализации права на здоровую окружающую среду, появление новых международных норм, которые установят более конкретные пределы суверенного усмотрения. Уже сейчас высказываются идеи о «принципе ненанесения вреда планете», который бы дополнил классический суверенитет, однако реализация таких концепций потребует огромной политической воли. Для России в новой экологической ситуации весьма важно найти баланс между защитой своих национальных интересов и вкладом в международную охрану окружающей среды. Принцип суверенитета над природными ресурсами сам по себе не мешает решению экологических проблем – препятствием становится его односторонняя трактовка как права без обязанностей. Однако международное право уже располагает достаточным набором инструментов, чтобы придать этому принципу более сбалансированный характер. Опыт последних десятилетий показал: суверенитет и экология – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие понятия, если государство осознаёт, что охрана окружающей среды – продолжение его суверенных обязанностей перед народом и планетой. В конечном счёте, принцип постоянного суверенитета над ресурсами призван служить благу народов, а это подразумевает бережное отношение к тому природному достоянию, которое находится во власти государства. Международное право предлагает рамки, в которых суверенитет может существовать с устойчивым развитием: через обязывающие экологические нормы, через общие цели человечества, а также обмен технологиями и солидарность.

Литература

Боклан Д.С. Международно-правовая ответственность за трансграничный ущерб, причиненный окружающей среде при правомерной реализации международных экономических отношений. М.: АДС Групп, 2012. 230 с.

Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международный экологический суд) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3. С. 53-56.

Циприс М.С. Современные международные режимы охраны и сохранения мигрирующих видов диких животных: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 262 с.

Barral V. National Sovereignty over Natural Resources: Environmental Challenges and Sustainable Development // https://www.researchgate.net/publication/308034134_National_Sovereignty_over_Natural_Resources_Environmental_Challenges_and_Sustainable_Development (дата обращения 05.09.2025).

Boklan D.S., Korshunova A.V. National security as a foundation and a limit on a state's right to rely on permanent sovereignty over natural resources // Kutafin University Law Review. 2017. Volume 4. Issue 2. P. 299-314.

Calderón J.A., Machado C.A.V. Sovereignty over natural resources: productivity, sustainability and competitiveness of natural resources from the respect for a healthy environment approach // Revista Iberoamericana de Derecho, Cultura y Ambiente. 2024. Vol. 5. P. 1-29.

Chekera Y.T., Nmehielle V.O. The International Law Principle of Permanent Sovereignty over Natural Resources as an Instrument for Development: The Case of Zimbabwean Diamonds // African Journal of Legal Studies. 2013. Vol. 6. P. 69-101.

Gumplova P. Sovereignty over natural resources – A normative reinterpretation // Global Constitutionalism. 2020. Vol. 9. № 1. P. 7-37.

Ibrahim I.A. Redefining the Principle of Permanent Sovereignty over Natural Resources from a Geographical Perspective A Case Study of Transboundary Aquifers // International Community Law Review. 2023. Vol. 25. P. 456-475.

Pereira R., Gough O. Permanent sovereignty over natural resources in the 21st century: natural resource governance and the right to self-determination of indigenous peoples under international law // Melbourne Journal of International Law. 2013. Vol. 14. P. 1-45.

Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // Revista Catalana de Dret Ambiental. 2024. Vol. XV. № 1. P. 1-34.